

Так случилось, что плохой дикцией Лены Шубниковой никто в семье озабочен не был. «Научится, — говорила её бабушка. — Все с детства шепелявят, а много ли шепелявых взрослых?» Мама Лены, приезжая с долгих гастролей — она была концертмейстером филармонии, — в первые минуты всегда озабоченно хмурила брови, слушая радостную неразборчивую болтовню дочери. Но потом начинала понимать и... привыкала.

Лена была умная девочка. Умная и начитанная не по годам. Необходимость сдерживать слова способствовала долгим внутренним размышлениям. Она с детства знала, кем станет и чего хочет. И в тот визгливый девчоночный период, когда одна половина подружек мечтала стать артистками кино, а другая — эстрадными певицами, Лена знала: она будет учительницей. Но скажи она кому-нибудь, что у неё замирает сердце от этого желания, ей бы не поверили. В школу прекращают играть в детском садике, а переступил порог настоящей школы — и конец. Нельзя мечтать о том, что есть, что вокруг, о чём можно говорить и что можно даже обругать. А Лена продолжала мечтать о самом плохом классе, от которого все бы отказались, а она бы приручила его и объединила. Свой первый урок Лена мечтала начать так:

Вы слышите? У меня не очень хорошая дикция... Будьте ко мне великодушны...
Ей очень хотелось начать с великодушия. Но в жизни всё получилось не так.

Она недобрала в институт одного балла. Преподаватель истории поставил ей тройку, не дослушав, а потом в коридоре сказал:

Нечего страдать. Вам нужна другая работа. Научитесь что-то делать руками!
Ну, шейте там, пеките пироги...

Два года она работала в школе-интернате подменным воспитателем, мучаясь от собственной слабости, неумения. Она убедилась в мысли, что это — её дело, но убедилась и в другом: трудные мальчики и девочки имели привычку сохранять свою яркую индивидуальность, а волшебной палочки, могущей это изменить, она в глаза не видела. И к её плохой дикции они великодушны не были, а дразнили её, издевались. И уставшие учителя говорили ей приблизительно то же, что говорил после экзаменов историк.

Пошли бы вы в швейный техникум. И себя обшили бы, и деньги бы имели.

Она не могла, не умела ничего объяснить! А тут ещё мать, вернувшись с гастролями, как всегда, нахмурила брови:

Ах, боже! Говори медленней... Я просто не знаю, что с тобой делать.

Лену высмотрела на летней конференции Анна Семёновна. Привела к себе домой раз, другой, потом предложила перейти в свою школу.

Почему никому из родных и близких не пришёл в голову логопед? Она была благодарна Анне Семёновне не просто за врача: старая учительница увидела в ней то, что никто не видел: её стремление, её мечту, которые никакого отношения не могли иметь к шитью и кройке. Она увидела в ней призвание.

Как-то она ей сказала:

Мы удивительно косноязычны. Нынешние учителя. И логопед тут не поможет. Потому что нельзя научить говорить, если нечего сказать.

Учись размышлять, деточка, над всем, что видишь, слышишь, чувствуешь...

А над речью работай. Главное — было бы что сказать!

(По Г. Н. Щербаковой*)

* Щербакова Галина Николаевна (1932-2010) — писатель, сценарист.